

УДК 82.1(470.5)

Созина Елена Константиновна

д. филол. н., профессор, заведующая сектором истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-7462-4153

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Локальности Урала в поэзии Екатерины Симоновой

АННОТАЦИЯ. В современной поэзии Урала Екатерина Симонова является одним из самых сильных и интересных поэтов с отчетливо своим голосом. В статье рассматривается поэтическая география Симоновой, ограниченная Уральским регионом. Симонова вышла из «нижнетагильской поэтической школы», как принято ее называть, учителем ее и других тагильских поэтов был Евгений Туренко. С 2013 года она живет в Екатеринбурге, однако Нижний Тагил сохраняет свое центральное значение в ее поэзии как город детства и юности, город поэтических истоков, место памяти, а эмпирически — город, где живут ее родители и где она бывает регулярно, поэтому в стихах он еще и выступает городом-дорогой. Стихи Симоновой близки к докупоезии и напоминают устные нарративы, естественным образом собирающиеся в верлибры. О пространстве и месте она пишет сюжетные стихотворения, в которых к каждому локусу бывает привязана особая история, взятая из жизни, необязательно личной, зачастую из жизни семьи и рода. В качестве комментария и дополнения к стихам Симоновой в статье приводятся ее посты из социальной сети — сродни дневниковым записям, среди них выделяется история «бабки Матрены», когда-то жившей в Висимо-Уткинском поселке, основанном еще Акинфием Демидовым. Малая история семьи тесно соприкасается в этом нарративе с большой историей страны, к которой, безусловно, оказывается причастна и сама Екатерина Симонова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатерина Симонова, Уральский регион, нижнетагильская поэтическая школа, места памяти, локальная история

UDC 82.1(470.5)

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-7462-4153

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

The Urals Localities in the Poetry of Ekaterina Simonova

ABSTRACT. In the Urals' modern poetry, Ekaterina Simonova is one of the most powerful and interesting poets with a distinctly own voice. The article deals with Simonova's poetic geography, limited to the Ural region. Simonova came out of the so called «Nizhny Tagil poetry school», Yevgeny Turenko was her and other Tagil poets' teacher. Since 2013, she has been living in Ekaterinburg, but Nizhny Tagil retains its central importance in her poetry as a city of childhood and youth, a city of poetic origins, a place of memory, and empirically, a city where her parents live and where she visits regularly, so in poetry it also acts as a city-road. Simonova's poems are close to docu-poetry and resemble oral narratives that naturally gather into free verse. She writes plot poems about space and place, in which a special story is attached to each locus, taken from life, not necessarily personal, often from the life of her family. As a commentary and addition to Simonova's poems, the article cites her posts from the social network — akin to diary entries, among them the story of «grandmother Matrena» stands out, who once lived in the village of Visimo-Utkinsky, founded by Akinfiy Demidov. The small history of the family is closely connected in this narrative with the big history of the country, in which, of course, Ekaterina Simonova herself is involved.

KEYWORDS: Ekaterina Simonova, Ural region, Nizhny Tagil poetic school, places of memory, local history

В энциклопедии «Уральская поэтическая школа» (понятие, изобретенное и популяризуемое В. Кальпиди) говорится, что поэтическое движение, школа — «феномен города, а не деревни», однако «самая благоприятная среда для созревания поэта — это поселок городского типа». «Большой город сильнее отдельно взятой личности. А поэт способен реализовать себя только в том случае, если станет сильнее и — главное — интереснее и духовно богаче того места, где находится»¹. Высказывание спорное, не все с ним согласятся. Однако в применении к Екатерине Симоновой оно работает.

Екатерина Викторовна Симонова родилась в Нижнем Тагиле и как поэт вышла из «лона» «нижнетагильской поэтической школы», иные обозначения этого феномена — «нижнетагильский ренессанс» и даже «нижнетагильский поэтический миф»². Этот феномен возник в начале 2000-х гг. в небольшом и, казалось бы, совершенно нелитературном городе Среднего Урала, просуществовал до начала или даже середины 2010-х, когда все представители этой школы после смерти учителя, Евгения Туренко, разъехались из города, а нижнетагильский ренессанс сохранился в истории литературы как некий культурный феномен.

В современной поэзии Урала Екатерину Симонову следует признать одним из самых сильных и интересных поэтов с отчетливо своим голосом. Она автор шести книг, точнее, уже семи — совсем недавно появился сборник «переводов» Симоновой стихов некоей Анны Арно (литературная мистификация в духе любимых ею поэтов Серебряного века). Предпоследняя книга Симоновой «Два ее единственных платья» вышла в издательстве НЛО в 2020 г. Она неоднократно становилась лауреатом фестиваля актуальной поэзии Урала и Сибири «Новый Транзит», лауреатом премий журнала «Урал», премии «Поэзия» (2019), Anthologia журнала «Новый мир» (2020). Симонова активно участвует в литературной жизни города и региона (является координатором премии для литературных критиков «Неистовый Виссарион» и др.). О ее творческой эволюции точно выразилась Н. В. Барковская: «Начав с неомодернистских, отчасти игровых, затем метамодернистских стихов (критики отмечали традиции акмеизма, сама Симонова признается в любви к творчеству Михаила Кузмина), Симонова сегодня, вроде бы, вписывается в линию докупозии. Она один из лидеров уральской F-поэзии, но, в отличие от большинства гендерно ориентированных авторов, не останавливается на боли и фиксации травмы, ей свойственно удивительное тяготение к гармонии с миром и самой собой»³. В рамках данной статьи нас будет интересовать связь Симоновой не столько с поэтическим, сколько с реальным географическим пространством, получающим особые измерения в ее поэтическом мире.

Симонова любит подчеркнуть свою уральскую идентичность. Вот фрагмент из ее монолога, где говорится именно «об Урале»:

«Бажова люблю, Сальникова — тем более, посикунчики уважаю, перстень и серьги с махитом есть, дома на холодильнике висит магнит из бетона с надписью “Урал — это сильно”, в шкафу хранятся три подноса с тагильской росписью, слову “что” предпочитаю “чо”. Кажется, перечислила все самые главные уральские символы, они же — триггеры. Кроме разве что современной уральской поэзии, но пусть мои взаимоотношения с ней останутся тайной. Что касается заповедности, то начнем с того (да и закончим этим), что я родом из Нижнего Тагила. Мое детство — это заводские трубы, ярко-розовые, ржавые и оранжевые дымы вышеупомянутых бесконечных труб, конец восьмидесятых. Количество моих выездов из этого города лет до 30 чуть ли не равняется количеству пальцев на моих руках. Поэтому о заповедности говорить сложно, в отличие от обыденности.

¹ Раков В., Курицын В., Болдырев Н. Уральский треугольник: город как точка входа // Уральская поэтическая школа: Энциклопедия / Гл. ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2013. С. 28–41.

² О данном феномене см.: См.: В. К. [Кальпиди В. О.] «Нижнетагильский ренессанс» [Послесловие в публикации: Моргулес И. Записки обжоры] // Уральская новь. 2002. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2002/12/zapiski-obzhozy.html>; Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тесты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 91–96.

³ Барковская Н. В. Медиальная функция актуальной поэзии (стихотворение Е. Симоновой «В Ницце») // Филологический класс. 2022. Том 27. № 2. С. 45.

Я до сих пор люблю этот город, но ощущение малой родины мне не совсем понятно. Малая родина — это мои родители. Не станет их — не станет и малой родины, если хорошо подумать, потому что тогда точно закончится детство»⁴.

Нижний Тагил — безусловный центр ментальной карты Е. Симоновой, несмотря на то, что с 2013 г. она живет в Екатеринбурге⁵. В этом плане предваряющим комментарием к ее стихам могут служить строки из социальной сети, где Симонова ведет своего рода дневниковые записи, мы и дальше будем пользоваться ими (с указанием даты, но, в силу сложившейся ситуации, без указания адреса в сети⁶): «Тагил — это прекрасно» (запись от 2.05.2022); «Я снова в лучшем городе на земле, где пиццу, похожую на пироги, до сих пор продают кусками, где ворота охраняют пятидесятилетние железные зайчики, а за пустыми арками скрываются августовские тени, ворчливые бабушки и тихие алкаши (запись от 13.08.2022). Как видно по последнему фрагменту, Тагил для автора — это город, способный подарить ей счастье встречи с детством, город, над которым время словно бы не властно: все как было, все как есть. В стихах Симоновой Тагил предстает местом, где живут ее родители, жили бабушки-дедушки, где она провела свои детство и юность, но вместе с тем это город-дорога, по которой она привычно ездит теперь из Екатеринбурга и обратно, в неопределенном настоящем своей нынешней жизни, раз в неделю или чаще (из социальной сети: «В субботу поехала в Тагил», или «Приехала в Тагил. Садил картошку» и т. д.).

Топография города-дороги дается в стихотворении, начинающемся с прямой речи персонажа, случайного дорожного попутчика («Ну чо ты там чо, как дела? / Выходи к проходной, чо, я тебя, чо, встречу...»⁷). Героиня этого лирического нарратива едет в маршрутке к родителям и привычно отмечает городские и пригородные топосы, которые она минует. Причем у каждого городского места, упоминаемого в стихах Симоновой, два измерения — прошлое и настоящее, они сосуществуют, не исключая друг друга, и само прошлое может быть плодом городской молвы, знанием того, что знают все, а может быть сугубо личным прошлым лирической героини. Подчас это и не прошлое, а некое вечно длящееся бытие городских объектов, ничем особо не примечательных, кроме того, что они есть в городе и как-то связаны с жизнью героини, которая наделяет их своими обжитыми смыслами.

...ехали долго

в ноябрьской тьме

Мимо кулинарного училища с дешевой столовкой,

Мимо цыганского поселка с будто бы самопально

подведенным электричеством,

Мимо полностью выгоревшего лет пять назад мебельного,

Мимо продажи надувных насосов за 5800,

Мимо оврага, за которым минут через 10 ходьбы

инфекционка,

Мимо заброшенных садов, где когда-то

Цветы оттягивали к земле ветви кривой яблони и рядом

паслись две козочки,

Мимо КРЗ, где работает стерженщицей подруга

Шнуркова,

Мимо той самой проходной, где мужик, чо, все-таки

вышел,

Мимо кулинарии «Сказка», где я в шесть лет взяла пирожное

«Пенек»

⁴ Симонова Е. Уехать нельзя вернуться // Электронный педсупс: https://prosodia.ru/catalog/stikhi/ekaterina-simonova-uekhat-nelzya-vernutsya/?fbclid=IwAR3w1wqvkDvch4zIMyqNW9-YFVcjvxM_WqGnL4reFCWx-hz0NYeDseBuD9k

⁵ Теме Н. Тагила в поэзии Е. Симоновой была посвящена наша недавняя статья, с которой неизбежно пересекается данное исследование, вплоть до вынужденного цитирования одних и тех же особо характерных строк, касающихся Нижнего Тагила. Вместе с тем данная статья продолжает предыдущую. См.: Созина Е. К. Нижний Тагил в современной поэзии Урала. Екатерина Симонова // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 114–122.

⁶ Разрешение автора на цитирование фрагментов постов из социальной сети получено.

⁷ Симонова Е. Два ее единственных платья. М., 2020. С. 27.

Но за индивидуальной памятью героини и поэта чаще всего стоит память семьи и рода. «...Узнавая за твоей спиной кого-то, вглядывающегося в них...»¹¹, — пишет она в одном из стихотворений. В рассматриваемом «дорожном» тексте выражением некоей даже не тагильской, а уральской общности является местоимение «чо», с которого начинается и которым заканчивается стихотворение. Зайдя наконец домой, к родителям, героиня здоровается:

«Ну чо вы, как, чо? Чо, как здоровье? Я чо?
Я ничо, я вот печенья к чаю купила».

И финальная реплика:

Иногда этого «чо как ты чо» и достаточно.
Остальное неважно¹².

Тагил постоянен и есть всегда, он существует в ахронном измерении, в челночных движениях героини туда-обратно. Поэтому в стихотворении не фиксируется переход от Екатеринбурга (откуда едет героиня) к Тагилу (конечной цели ее пути), граница между ними стерта: ведь героиня живет в двух городах, ее дом — и там и здесь. Целостным обликом в стихах Симоновой обладает именно Тагил, небольшой, по сути, домашний город, город-дом и город-семья. Очень ярко эта семейственность, а вместе с тем родовая память, воплощенная, репрезентированная сознанием поэта, выражена в стихотворении «На перекрестке Белинского-Щорса отличный овощной киоск...», где в процедуре, скорее даже ритуале покупки овощей и фруктов, героиней участвует вся ее большая семья: в витрине вместо нее отражается мама, рядом стоит отец, потом появляются дед Афоня, баба Таня, баба Люда, деда Сеня (которых в большинстве своем уже нет в живых), все дают советы и просят о своем.

Заметим, что названные в этом стихотворении улицы принадлежат Екатеринбургу, но целостного облика и образа этого города, в котором теперь живет сама Симонова, в ее стихах не найти. Ибо для нее важны те места, те локальности города, в которых оседают некоторые истории, благодаря чему они и становятся значимы. К тому же Екатеринбург слишком велик, он не тянет на «маленький город», о чем мы скажем позже, поэтому его метонимически заменяют улицы, точнее, квартал, ограниченный определенными улицами, где протекает домашняя жизнь героини. Екатеринбург эмблематичен, для него достаточно простого упоминания, как то: «Женя и Таня приехали в Екатеринбург»¹³ (о встрече девушек-поэтов); «Камила говорит / что в Ебурге на Таганском ряду / самая хорошая на Урале узбекская кухня», но тут же — «Камила сама родом из Ташкента / сейчас живет в Нижнем Тагиле / раньше она в Ебург на Таганский ряд часто гоняла / чтобы побывать будто в Ташкенте»¹⁴. В семантическом ряду Ебург — Ташкент — Нижний Тагил перетягивает последний, ведь новые районы в Ташкенте Камиллы — «как наши тагильские Гальянка или Вагонка — / все в двухэтажных одинаковых деревянных домах»¹⁵.

«Жизнь вообще складывается, на самом-то деле, не из больших событий, а из маленьких историй, так же, как каждое время складывается из отдельных судеб, и нужно ли говорить, что самые интересные из них — это самые неизвестные, самые случайные, самые маленькие. Все, что от нас останется, — это обрывки историй и осколки вещей»¹⁶, — так говорит Симонова. Город — это тоже множество историй, это его локусы, составляющие, как писал В. Г. Щукин, «морфологию городской поэтосферы»¹⁷, они-то и собирают вокруг себя разнообразные истории, своего рода локальные нарративы. У Симоновой их множество. Кроме улиц, это может быть некая квартира, в которой раньше жила героиня, четко локализованная в тагильском пространстве, хотя сама эта локализация понятна лишь тем, кто с ней знаком, для остальных же она имеет привкус устных историй-анекдотов, а подчас историй-страшилок:

¹¹ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 19.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Симонова Е. Уехать нельзя вернуться // Электронный ресурс: https://prosodia.ru/catalog/stikhi/ekaterina-simonova-uekhat-nelzya-vernutsya/?fbclid=IwAR3w1wqvkDvch4zIMyqNW9-YFVcjvxM_WqGnL4reFCWx-hz0NYeDseBuD9k

¹⁷ Щукин В. Г. Город и миф. Исследования в области геопэтики. М., 2021.

Рядом с моим бывшим домом по Коминтерна
Была спортивная школа. Рядом с ней — спортивное
школьное поле.
Над полем висели на проводах кроссовки.
Люди говорили, такое — знак того, что здесь кто-то умер.
Люди говорили, такое — знак того, что здесь продают
наркоту.

<...>

В доме напротив, на втором этаже, окна в окна с нашей
гостиной,
Квартиру снимали студентки торгово-экономического
Или кулинарного.

<...>

Пацаки в квартире на первом этаже ходили домой
через окно.

Друзья к ним в гости ходили тоже через окно.

До сих пор мне почему-то кажется,
Что кто-то из друзей именно этих пацаков
Обчистил нашу квартиру¹⁸.

Рассказ о краже, случившейся у героини, прерывается идиллической картинкой воскресного завтрака, который длится словно бы всегда, застывая в оправе авторского воспоминания, авторской уверенности: «Жизнь была безмятежна, медленна и проста, / Как бывает жизнь в каждом маленьком городе»¹⁹.

Это может быть магазин «Кедр», где героиня покупает «виноград кишмиш» и попутно имеет беседу с продавщицей, торопящейся выпить кофе. Местонахождение магазина опять-таки четко определено: «Я выхожу на улицу: справа — “Тагилхлеб”, / Где ржанушка солнечная с семенами подсолнечника, / И томатное мороженое. / Слева — аптека...»²⁰. И вновь в тагильской повседневности Симоновой идиллия оказывается неотделима от «ужасика» — совсем как в повести Н. Гоголя, где идиллическое существование «старосветских помещиков» нарушает некая (мистическая!) кошечка, пропажа которой не дает покоя Пульхерии Ивановне. В стихотворении Симоновой «Пахнет бензином, растаявшим первым снегом, / Лесом рядом, где кладбище домашних животных, / А в девяностых убили соседку из четвертого подъезда, / Из того самого, где обычно умирают от рака»²¹. Ее картина мира подчас напоминает мирообраз художников барокко: контрастность и зеркальность бытия, сочетание несводимого, ад и рай, причем вполне домашние, свои, и обе бездны живут рядом. Тагил — это не только город, но и его окрестности, главным образом, пригородные сады, неременная принадлежность уральского образа жизни: садовый участок родителей в Тагиле, где героиня (и автор) бывает регулярно, часть ее, их общей жизни. Тагил — это, как уже было сказано выше, люди, неотрывные от своих мест и вещей, все вместе они и составляют историю: «В зеркале отразилось все, что я помню и что не помню: / молодая бабушка и два ее единственных платья — / с белым сменным воротничком... / дедушка, неумело завязывающий праздничный галстук»²². В другом стихотворении Симонова вспоминает Алексея Сальникова, близкого ей по духу писателя и поэта: «Сальников прав: все друзья и родные — персонажи наших стишков, / выдуманные именно потому, что не выдуманные, / уютные, как сейчас эта теплая комната, непослушные, / выскальзывающие из рук, как бабушкин стеклянный подсвечник...»²³.

Тагил у Симоновой обладает своей топографией, своей историей, главным образом, семейной и личной. Но у симоновского Тагила есть еще и поэтическая история, она раскрывается как лирическое сестринство-братство и биографически связана с кругом Е. Туренко, корни же ее уходят

¹⁸ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 33–34.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ Там же. С. 59.

²² Там же. С. 61.

²³ Там же. С. 78.

А вот что пишет сама Симонова: «Вышла на улицу, отломила прям голой рукой, прям дрожащей от нетерпения, кусок брецеля, засунула его в рот и поняла, как же ж я люблю всю свою жизнь: зимний вечер, свет фонарей и витрин, небо, такое глубокое, что и звезд не видно, свежее печево, крупинки соли на кончике языка, хрустящий пакет в в руке, с одной стороны бумажный, с другой прозрачный, и в прозрачной части тоже отражаются круглые огни фонарей и машинные огоньки, похожие на елочные. А дома ждут горячие батареи и теплые коты. Или мне кажется, или только для таких моментов мы и живем. А все остальное, насколько красивым или ужасным оно бы ни было, просто фон» (запись от 16.01.2022).

«Маленьким городком» Симоновой в Екатеринбурге является их с Еленой Федоровной квартира и вся их «маленькая» жизнь, внутренне огромная, с неизмеримым объемом и бесконечными тайнами. Метафорой этой жизни может служить как раз образ квартиры: «Квартира маленькая, шкафов, сами понимаете, не хватает, поэтому в шкафу в спальне, под пиджаками, жилетами и платьями, всегда можно найти что-то веселое и крайне необходимое тебе в грустный момент: коробку конфет, турецкую халву, банку оливкового масла с апельсиновыми корочками, бутылку мартини или текилы» (от 09.02.2022). «Вообще маленькие уральские городки — крутые», — прокомментировал некто пост Симоновой.

Своеобразным послесловием к историям маленького городка может служить рассказ Симоновой о бабке Матрене в четырех частях, также размещенный в соц. сети (февраль — май 2022 г.). Точнее, речь идет о мачехе симоновской бабушки, то есть не родной по крови, попортившей немало крови всей семье, но в итоге ставшей как бы и родной. Бабка Матрена — своеобразный пассионарий висимо-уткинского поселка. Здесь тагильские локальности выступают в полноте своей повседневной истории, тесно переплетающейся с историей страны.

«Годы предположительно 1933–1934. Прадед Павел, к этому времени уже отец двоих детей — моей бабушки Люды (в детстве Люськи) и младшего ее брата Васеньки — назначен заведующим висимо-уткинского магазина. Там его заметила продавщица Матрена — баба немолодая, но бойкая. Заметила настолько, что пришла к заведующему с серьезным рац. предложением: либо он бросает жену и начинает жить с ней, либо она пишет на него анонимку в соответствующие органы. Нужно сказать, что Матрена так периодически поступала с понравившимися ей мужчинами, и прадед знал, каковы будут последствия отказа. Так у моей бабушки появилась мачеха. Маленькое уточнение: дети по Матрениному желанию в качестве непонятого залога были оставлены с отцом — надо же было как-то поизмываться над брошенной женой».

«Кстати, — добавляет Симонова, — если кто не в курсе, то именно с деревни Висимо-Уткинск началось освоение Урала Демидовыми». Этим словно бы в сторону сказанным замечанием она вводит свою частную семейную историю в контекст большой истории Урала, сам же нарратив о похождениях бабки Матрены вписывается во множество аналогичных историй жизни обычных людей в 1930-е и последующие годы, далеко не сразу осознавших, какую мясорубку уготовила им история.

В 1941 г. Матрена загремела в тагильские лагеря, откуда вышла в 1945-м. Падчерица Люська (симоновская бабушка) к тому времени была замужем и переехала в Тагил, куда к ней и явилась вскоре бедовая Матрена. История бабушкиного мужа, родом из Кургана (как и самой бабушки Люськи), заслуживает отдельного рассказа, но Симонова об этом лишь упоминает. В Тагиле у Люськи бабка Матрена долго не зажилась, не выдержал Люськин муж, когда Матрена, ставшая к тому времени наркоманкой (варила зелье из таблеток), попыталась «оттяпать» у них половину их же квартиры. Переехала обратно в Висимо-Уткинск, где ей отдали никому не нужный домик-развалюху. «Несмотря ни на что, бабушка периодически Матрену навещала: долг перед старшими — страшная вещь». «Когда я немного подросла, — вводит автор личный нарратив, — то, помню, иногда бабушка брала меня, пяти-семилетнюю, с собой в поездки к мачехе. Как ни странно, Матрену я практически не помню, зато помню ее огород, уходящий вниз по косогору под немыслимым каким-то углом, кривой пол в единственной комнате, стол с клеенкой, стоявший между двух окошек, круглый половичок из старых тряпок, мы с бабушкой оставались ночевать и спали вместе на старой скрипучей железной кровати. А утром мы обязательно ходили в лес — собирать грибы и ягоды среди змей и берез. И где-то на заднем плане была маленькая и совершенно обычная деревенская старушка в обычной деревенской темной одежде».

Дом и огород пассионарной Матрены напоминают жилище ведьмы, да, впрочем, весь ее облик выстраивается по образу-архетипу ведьмы, которая, однако, в реальной истории страны и сама оказалась потерпевшей. Косогоры, углы и кривые линии, подъемы и спуски — такова морфология и мифология уральских мест; «камень, пещера, гора», по меткому наблюдению Майи Никулиной²⁹, определяют ландшафт Урала.

Наконец, вот «последыш» всей этой замечательной истории — недавнее посещение Симоновой Висимо-Уткинска в попытках найти фамильный дом, когда-то обманом отобранный Матреной у ее бабушки. «Долго ездили с пригорка на пригорок, из переулка в переулок, перезванивали маме, в итоге все же все нашли. Дома больше не было, остался только сам участок, заросший иван-чаем и травой по колено, в которую мама строго-настрого сказала не заходить: много гадюк. Из травы торчал обломок доски: то ли остатки ворот, то ли стены. Матрены больше не было, бабушки больше не было, не было больше никого и ничего — здесь, сейчас и навсегда — кроме их смерти и, как ни странно, живой меня». Приведем строчки, заканчивающие стихотворение о правоте Сальникова, процитированное нами выше, они могут служить комментарием к рассказу Симоновой о бабке Матрене, поскольку ее метафорическая поэзия сама провоцирует говорящего о ней на язык метафорических образов и отсылок:

...как бабушкин стеклянный подсвечник — отбивается край, остаются некрасивые зазубрины,	и все же —
нельзя выбросить, надо сохранить, позаботиться,	поскольку —
это любовь, это большая проза, это маленькая поэзия, пронзительное «никак иначе» ³⁰ .	

Таким образом, за каждой так называемой локальностью у Симоновой стоит реальная история, в центре которой — конкретный человек. Можно сказать, что уральские топосы оживают людьми и их историями. Это истории ее семьи, рода, ее самой, в которых происходит воссоздание памяти, переход памяти в письмо. Вся поэзия Симоновой — это большая метафора Памяти и Места.

References

- Barkovskaya N. V. [The Medial Function of Contemporary Poetry (The Poem by E. Simonova "In Nice")]. *Filologicheskii klass [Philological Class]*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 43–51. (In Russian).
- Davydov D. M. [To the Description of the Phenomenon of "Nizhny Tagil Poetic Renaissance"]. *Literatura Urals: istoriya i sovremennost' [Literature of the Urals: History and Modernity]*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta Publ., 2008, iss. 4, pp. 91–96. (In Russian).
- Nikulina M. P. *Kamen'. Peshchera. Gora [Stone. Cave. Mountain]*. Ekaterinburg: BKI Publ., 2002. (In Russian).
- Rakov V., Kuritsyn V., Boldyrev N. [The Ural Triangle: City as an Entry Point]. *Ural'skaya poeticheskaya shkola: Entsiklopediya [Ural School of Poetry: Encyclopedia]*. Chelyabinsk: 10 Tsyach Slov Publ., 2013, pp. 28–41. (In Russian).
- Schukin V. G. *Gorod i mif. Issledovaniya v oblasti geopoetiki [City and Myth. Research in the Field of Geopoetics]*. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian).
- Sozina E. K. [Nizhny Tagil in the Urals Contemporary Poetry. Ekaterina Simonova]. *Ural'skij istoriceskij vestnik [Ural Historical Journal]*, 2021, no. 1 (70), pp. 114–122. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122. (In Russian).

²⁹ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002.

³⁰ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 78.